

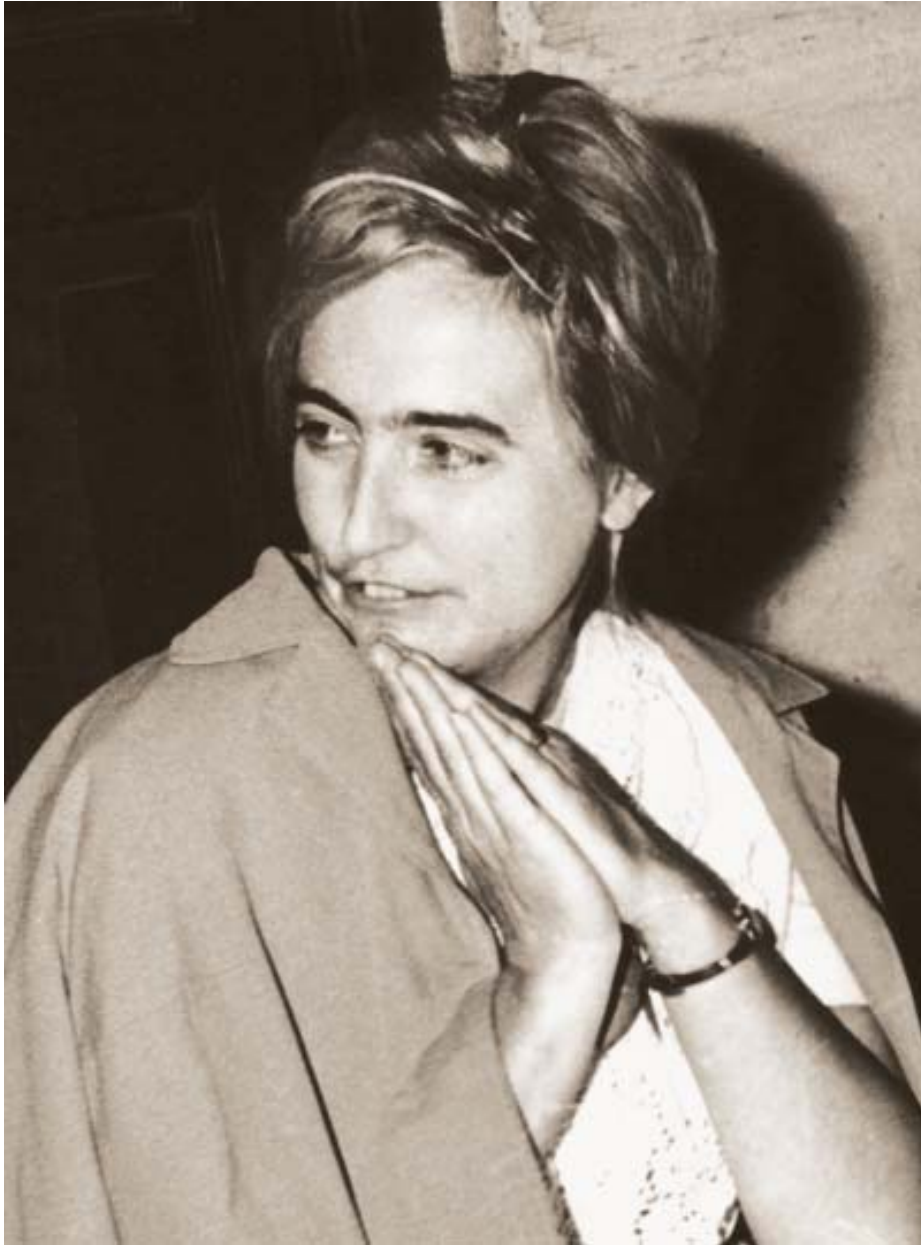
МИЛОСТИВЫЙ ГУРУДЕВ

Воспоминания Н.М.Сазановой о Шри Пад джи махарадже

Говорить об Учителе, гуру, всегда трудно. До конца жизни я буду благодарна судьбе за встречу с Ним. Произошло это в 1968 году в Агре, где я находилась на стажировке в институте Агрского университета. Я изучала средневековый язык брадж, для того чтобы заниматься творчеством Сурдаса, великого индийского поэта XVI века. Моей работой руководил директор К.М. института доктор Мата-прасад Гупта. Я много времени проводила в кабинете Сурдаса, где были собраны фотокопии рукописей поэта. Однако там не было копий самых признанных ранних рукописей — Джайпурской и Натхдвары. Дело в том, что эти рукописи находились в частных собраниях махараджи Джайпурского и храма Шри Натхаджи. И ни махараджа Джайпурский, ни храмовый совет не желали знакомить с ними никого из учёных. На это были свои причины, так как рукописи Сурдаса почитались священными и доступ к ним был ограничен, только для малого числа доверенных лиц. Доктор Матапрасад Гупта, известный исследователь-филолог по браджу, неоднократно пытался добиться возможности хотя бы один раз взглянуть на бесценные раритеты, но все его усилия не увенчивались успехом. Мы часто говорили с ним об этом, мечтая увидеть легендарные тексты.

Возвращаясь из университета в отель «Империал», где меня поселили, я обычно работала в саду, там мне поставили персональный столик с креслом. Докучали лишь древесные бурундучки и изредка обезьяны. Построенный в викторианском стиле, когда-то роскошный и величественный, теперь отель выглядел старым и запущенным, его готовили то ли к сносу, то ли к реконструкции. В нём работало лишь несколько номеров. Но была вода, и изредка даже тёплая. Мне достался огромный номер с высоченными пятиметровыми потолками, тёмный, с одним маленьким окошком. Кондиционера не было, лишь старый фен, скрипя на потолке, гонял воздух. Естественно, я предпочитала работать в заросшем саду, где росли пальмы и цветы.

Изредка меня посещали индийские знакомые по университету. Однажды днём на дорожке появился преподаватель университета мистер К. и со смущением спросил меня, знаю ли я, кто такие махатмы. Я, разумеется, удивилась вопросу, но ответила, что знаю и очень бы хотела увидеть настоящего индийского махатму. Мистер К. заулыбался: «Ваше желание исполнимо. Наш Баба Шри Пад джи махарадж выразил желание встретиться с вами». Я несказанно обрадовалась и спросила, когда и где это может произойти. «Сейчас», — произнёс мистер К. и указал на дорожку в саду. Там стоял молодой, смуглый, среднего роста человек, с бородой и длинными кудрявыми волосами, одетый в жёлтое дхоти. Мистер К., упав в низайшем пранаме к ногам махатмы, посыпал голову пылью с его ног. Я же,

Н.М.Сазанова.
Индия. Агра, 1968

смущённая, встала и склонилась в обычном приветствии. Махатма улыбнулся, и тут я увидела его глаза. Сказать, что они были необыкновенными, — значит ничего не сказать. Большие, с прищуром, карие глаза Шри Пад джи махараджа таили в себе какую-то тайну, их взгляд проникал в самое ваше сердце, и вы понимали, что махатма видит вас насквозь и совершенно бесполезна любая неискренность и фальшь. Жестом он приказал принести ещё стул для себя и уселся на него в позе лотоса. Прибежал главный администратор, за ним все слуги отеля. Совершив земные поклоны, они стояли в отдалении и с неописуемым благоговением смотрели на Шри Пада.

Махарадж обратился ко мне на хинди: «Я прочитал ваше интервью в “Хиндустан Таймс”, где вы в беседе с известным журналистом Харидаттой Шармой говорите, что ваше главное желание — пройти по стопам Сурдаса и увидеть самую раннюю рукопись его “Сурсагара”». Я подтвердила, добавив, что готова на любые трудности, лишь бы понять бхакти Сурдаса, которым он вдохновлялся, когда создавал свою поэму о Кришне. Шри Пад джи помолчал и спросил, что я знаю о бхакти — религии любви. Знала я тогда о бхакти немного, но понимала, что без знания бхакти бесполезно заниматься средневековой индийской литературой. «Харидатта Шарма вам присвоил слишком большой титул “Руси Радха” (русская Радха — возлюбленная Кришны), ну да ладно, — заявил махарадж. — Вы готовы в путь бхакти?» Я встала со стула: «Хоть сейчас!» — «Ну вот, сейчас и пойдём, только вам надо будет переодеться в сари». В растерянности я сказала, что сари пока у меня нет. «Ничего, — ответил махатма, — это поправимо. А пока собирайтесь в чём есть».

Глядя в глаза Шри Пад джи, я поняла, что пойду за махатмой куда угодно, и попросила мистера К. известить доктора Матапрасада Гупту обо всём. У меня ни на один миг не возникла мысль о том, как отреагирует родное посольство на такой мой, прямо скажем, неординарный поступок, хотя в те времена и за меньшие проступки люди становились невыездными и лишались работы. Меня позвал настоящий махатма в путь бхакти, к Сурдасу, и без колебаний я вступила на эту дорогу, по которой иду и сейчас.

Я отнесла словари и книги в номер и очень при этом спешила, боялась, что всё происходящее — мираж и Шри Пад джи исчезнет так же внезапно, как появился. Меня повели через сад к стоявшей у ворот машине, усадили на переднее сиденье рядом с шофёром, и Шри Пад джи уселся тоже, а на заднее сиденье втиснулось, по индийскому обыкновению, человек пять, из которых я знала лишь одного преподавателя, мистера К., и аспиранта Р. Никто не сказал, куда мы направляемся, и на мой вопрос Шри Пад только улыбнулся. Как мне потом объяснили, нельзя задавать вопросы махатме, он сам, если сочтёт нужным, всё расскажет. По индийскому этикету не следует проявлять любопытство и настойчивость в отношениях с уважаемым лицом, тем более осенённым именем махатмы.

Мы остановились у какого-то двухэтажного особняка, и мне предложили подняться наверх, на крышу, которая часто заменяет в индийском доме гостиную. Там нас ждали хозяева дома, с необычайным почтением встретившие Шри Пада и меня. Все уселись на циновках на полу, и нам была предложена прекрасная еда. Я обратила внимание, что хозяин — индиец, а его жена, хоть и одетая в сари, явно европейка. По-европейски выглядели и их дети. Оказалось, хозяйка — немка, а хозяин — крупный инженер по дизелям. Шри Паду всё подавалось в первую оче-

В день первой встречи со Шри Падом. Агра, 1968

редь, но ел он мало, следя, чтобы мне не давали острую пищу, от которой я сразу отказалась, попросив «сатвик кхану», то есть пищу без перца и острых специй.

Поев, пополоскав рот и умыв, по обычаю, руки, мы снова уселись на крыше на циновках. Шри Пад джи взял в руки принесённый сверток и открыл его. Там была прекрасная старинная миниатюра с изображением Кришны. Показывая её мне из своих рук, он объяснил, что это особое изображение Кришны Шри Натха, священное для секты «Пушти марг», в которой киртханкаром (гимнопевцем) был Сурдас. Подобные миниатюры и сейчас рисуют в Натхдваре — центре кришнаитского искусства миниатюры. Уже потом, спустя годы, у меня появилась, благодаря подаркам Шри Пад джи, коллекция подобных миниатюр.

Когда все полюбовались Шри Натхом, хозяин дома принёс фотоаппарат и, с разрешения Шри Пада, заснял нашу компанию на крыше. Потом все отправились отдыхать, и я оказалась в обществе госпожи Шанты Кханделвал, которая в дальнейшем на всю жизнь осталась моей самой близкой подругой. Красивая, статная, с огромными чёрными глазами и доброжелательной улыбкой, Шанта сразу стала мне симпатичной. Она помогла мне надеть принесённое с собой сари. Я с облегчением поняла — куда бы я сегодня ни поехала, рядом со мной будет милая Шанта. Оказалось, что среди присутствовавших на обеде мужчин был её супруг, Банарсидас Кханделвал, бизнесмен. Он владел в Агре магазином современного сантехнического оборудования и мастерской по его установке.

Семья Кханделвалов с детьми и родственниками принадлежала к секте «Пушти марг», где почитали Сурдаса как главного гимнотворца. Пады-гимны Сурдаса всегда исполнялись в кришнаитских храмах «Пушти марга» и в самаджах — собраниях верующих. Шанта обожала Сурдаса и исполняла его пады под аккомпанемент танпуры, на которой хорошо играла. Как потом выяснилось, Шри Пад джи иногда

Шри Пад в детские и юношеские годы

появлялся в их доме. Именно Банарсидас и Шанта показали ему газету с моим большим портретом и статьёй известного журналиста Харидатты Шармы под названием «Русская Радха». Прочитав статью, Шри Пад джи выразил желание познакомиться со мной, что и было сделано с помощью преподавателей Агрского университета. Шри Пад джи махарадж к этому времени был широко известен как махатма в Агре, Дели, Праяге (Аллахабаде), Варанаси (Бенаресе), Раджастхане, Харидваре и других местах Северной и Центральной Индии. Пройдёт немного времени, и после паломничества на Юг Индии число его бхактов-приверженцев возрастёт ещё во много раз. В этом я убедилась на собственном опыте, когда лет через десять мы вместе оказались в Хайдерабаде по приглашению тамошнего губернатора, одного из крупнейших политических лидеров Индии господина В.

Однако вернёмся к первой встрече с махараджей в Агре. Когда стемнело и на ярком ночном небе Индии загорелись звёзды и взошла луна, мы были уже в пути. Через час машины (теперь наша компания с трудом умещалась уже в двух машинах) остановились на лесной поляне на берегу реки. Тогда я и представления не имела, что это была Рункута, место, где Сурдас в уединении слагал гимны и где он встретился со своим наставником Госвами Валлабхачарьей. Через много лет «Общество памяти Сурдаса» под руководством доктора Шривастава добьётся устройства в Рункуте заповедника-мемориала в честь поэта, а тогда это было дикое место. Лишь старый заброшенный колодец свидетельствовал о том, что здесь когда-то кто-то обитал. По указанию Шри Пад джи махараджа все расселись на земле, причём мне заботливо подстелили циновку. По знаку махараджа Шанта запела стихи Сурдаса. Моё знание языка браджа и поэзии Сурдаса в то время было скудным, но я отчётливо слышала конечную строку-бханиту, заключавшую каждый гимн: «Сурдас пропел».

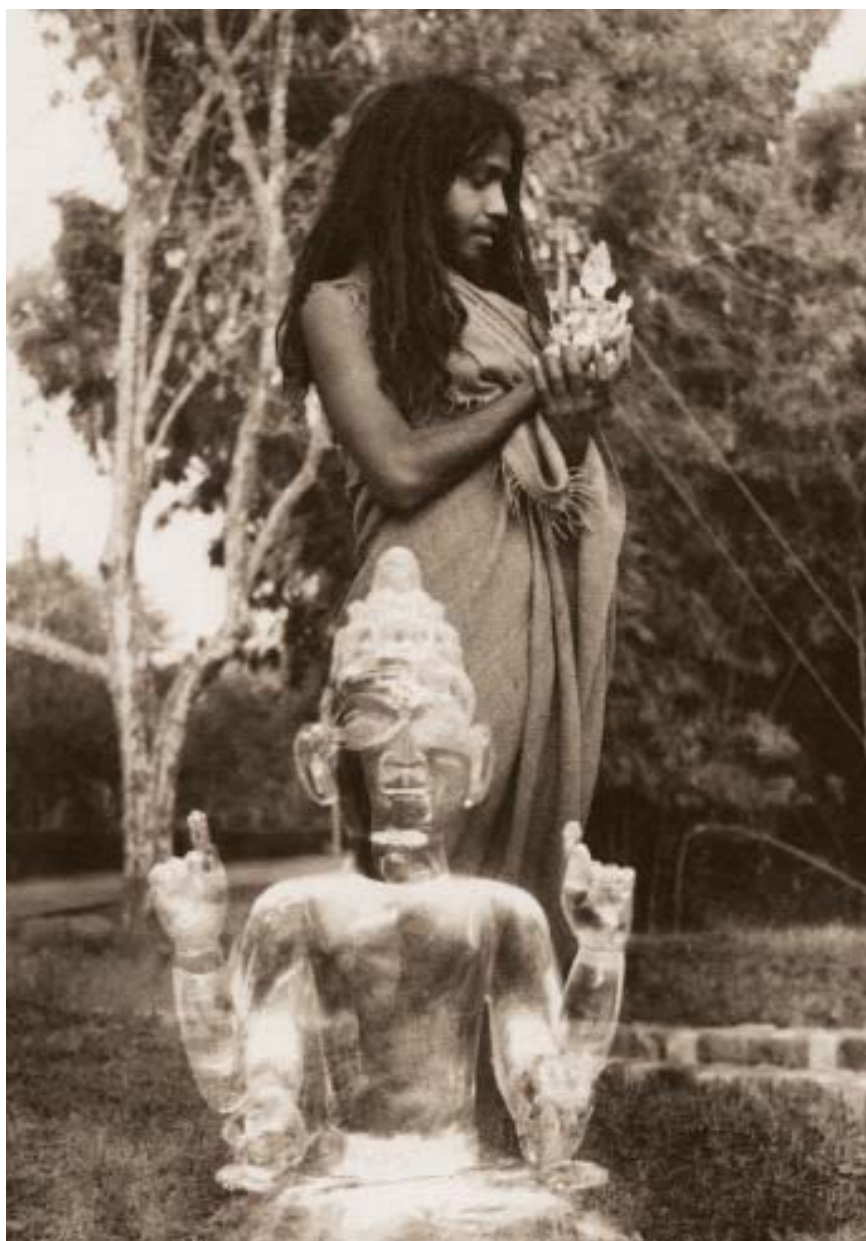
Время летело незаметно, Шри Пад джи сидел в глубокой медитации. Выйдя из неё, он приказал всем отдыхать. Народ стал устраиваться спать, кто в машинах, кто около них, прямо на земле. Меня всегда поражала способность индийцев в любом месте и положении заснуть, поскольку я сама имела чрезвычайно чуткий сон, не говоря уже об отсутствии привычки спать на земле, под открытым небом. Отвергнув предложение попытаться уснуть в набитой битком машине, я решила просто посидеть и полюбоваться полной луной. Заметив моё одинокое сидение с поднятой к небу головой, Шри Пад джи подозвал меня. Никто никогда, как потом мне объяснили, не видел его спящим, но медитировать он мог в любое время, в любом положении и при любых обстоятельствах. «Хотите попробовать медитировать по-настоящему, можете сейчас это сделать?» — «Но я не умею, — отозвалась я, — хотя теоретически знаю, что это такое». Шри Пад джи, судя по голосу, улыбнулся и сказал: «Садитесь рядом, я помогу. Смотрите на луну, сосредоточьтесь и повторяйте имя Кришны». Я всё сделала по его указанию и вдруг ощутила, что какой-то свет идёт сзади меня, а не от луны. Свет, голубовато-жёлтый, всё ширился и охватил почти всё небо. Одновременно с этим я почувствовала, как на меня наваливается какая-то необъяснимая тяжесть, как будто земное притяжение не давало мне вырваться куда-то вверх, в сияющее небо. Стало безумно страшно. С одной стороны, росло желание взлететь в сияющее небо, с другой стороны, какой-то голос внутри прошептал: «А ведь можно и не вернуться». Тяжесть достигла предела, я испугалась. «Надо вернуться, я ещё не готова уйти в сияющие дали» — эта мысль тут же реализовалась в действие, и я пришла

в себя. Далёкое небо всё так же было усыпано яркими звёздами, луна побледнела, а волшебный свет исчез. Я посмотрела на сидевшего рядом махараджа. В свете луны его облик казался прекрасным и каким-то нездешним, полным величавого покоя. Я пошевелилась, вытянув ноги, затёкшие от непривычного сидения в позе лотоса. Шри Пад джи вздрогнул и как бы медленно пришёл в себя. «А вы не совсем доверяете мне, — сказал он. — Испугались войти в божественный свет. Вам надо знать, что я всегда могу вернуть вас обратно на землю».

Впоследствии многие бхакты расспрашивали меня об этом эзотерическом опыте и очень завидовали. Ещё бы, меня «вёл» в медитации сам махарадж! Надо сказать, я не была расположена к йогической практике. Прочитав как-то в старинной индийской книге одного уважаемого махариши, что женщинам не рекомендуется заниматься высшей йогой, ведущей к самадхи (а хатха-йога меня никогда особенно не привлекала), я согласилась с этим. Шри Пад джи махарадж ещё несколько раз пытался приобщить меня к йоговской медитации, но, видя моё известное равнодушие и не очень пылкое старание, потом занимался со мной только медитацией бхакти.

Бхакти, или религия любви, как её теперь называют, возникла в древние времена в Индии. В священной для индийцев «Бхагавадгите» путь спасения через любовь, поклонение Богу, признаётся наилучшим в эпоху Кали-юги, о чём сам Кришна говорит Арджуне. Через всю историю религиозно-философской мысли Индии проходит идея и понятие бхакти. Когда в XIV-XVI веках в Северной Индии произошла религиозная реформация, появилось много кришнаитских и рамаитских сект, где храмы стали посвящаться Кришне и Раме, возникла богатейшая культура и литература бхакти. В числе поэтов-бардов, создававших песнопения на народных языках, был Сурдас, считающийся одним из выдающихся поэтов Индии на все времена. Его знаменитый «Сурсагар» («Океан поэзии Сурдаса») исполнялся в кришнаитских храмах и самаджах (собраниях). В настоящее время, как классика индийской поэзии, Сурдаса изучают в школах, колледжах и университетах.

Практика бхактов в первую очередь заключается в любовном отношении к Кришне как к господину, товарищу, ребёнку и возлюбленному. Собственно секты бхакти различаются по тому, какому образу Кришны они поклоняются. Так, в секте «Пушти марг», храмовым певцом которой был Сурдас, поклоняются Кришне-ребёнку. С изображением Кришны на алтаре обращаются как мать со своим дитятей. Его будят, умывают, кормят, укладывают спать, переодевают и т.п. При этом храмовый оркестр исполняет пады Сурдаса о маме Яшоды и малыше Кришне. Как мне объяснили потом в секте «Пушти», практика восприятия Кришны как любимого ребёнка и умение видеть в любом ребёнке Кришну является одним из главных компонентов кришнаитского бхакти. Медитация на изображение Кришны, слушание и исполнение гимнов в его честь вызывают любовный экстаз бхакти, соединяющий с Богом вернее, чем йогическая практика самадхистов. В сектах бхакти, к которым в настоящее время принадлежит половина, если не большинство индийских адептов, чрезвычайно развиты кришнаизм и рамаизм. Медитация на изображения Кришны и Рамы, пение, исполнение музыкальных произведений, танцевальные выступления. Эмоциональная насыщенность кришнаизма способствовала развитию самых разных видов искусства — музыки, вокального исполнения, живописи (миниатюры), скульптуры. Искусство служит для бхактов средством достижения экстатической всепоглощающей любви к Богу. Именно в Рункуте я

Шри Пад с фигуркой хрустального Будды в руках.
На переднем плане: феноменально проявленное изображение

впервые услышала исполнение падов Сурдаса в традиции секты «Пушти марг». В дальнейшем, для моего более серьёзного знакомства с кришнаитским бхакти и творчеством Сурдаса, Свами джи неоднократно посылал меня в различные храмы и самаджи слушать пение падов Сурдаса и других поэтов-бхактов. Позднее я и сама научилась петь многие любимые пады из «Сурсагара».

Возвращаясь к нашему первому путешествию со Шри Падом, я хотела бы сказать, что многие окружавшие меня тогда люди стали моими близкими друзьями — семья Кханделвалов, садху (а теперь уже Баба) Гопал джи, владелец прихрамового магазинчика Шьям джи и другие.

Утром мы совершили пеший обход Рункуты и мест, связанных с Сурдасом. Приехавший губернатор штата господин Шривастав рассказал, как «Общество памяти Сурдаса» («Сур смарак мандал») собирается устроить здесь заповедник. Кстати сказать, через пятнадцать лет на пустынном месте, где тогда была лишь стилизованная хижина Сурдаса с барельефами Кришны, Валлабхачарьи и Сурдаса, действительно возник величественный мемориал.

Шри Пад джи махарадж велел всем подойти к хижине и дал мне цветы для возложения к изображениям Кришны, Сурдаса и его учителя Валлабхачарьи. Затем все присутствовавшие запели один из падов Сурдаса, прославлявших Кришну. Было видно, что поют от всего сердца любимые, хорошо знакомые стихи. Тут же стали обучать петь и меня, а моя Шанта подыгрывала на танпуре. Затем все отправились совершить омовение в Джамне. После омовения меня через лесную чащу привели к озеру, в котором во времена Кришны, по легенде, жил коварный озёрный змей. Как описано у Сурдаса, пастушонок Кришна часто играл с товарищами на берегу этого озера. В «Сурсагаре» и «Бхагавад-пуране» рассказывается подробно о сражении Кришны с этим змеем, пожирателем коров и людей. Однажды Кришна, играя с друзьями в мячик, забросил его в озеро. Во всей деревне был один-единственный мячик, и принадлежал он брахманскому сыну Судаме. Все мальчики очень расстроились и обрушились на Кришну с упрёками. Тогда Кришна залез на дерево и с него прыгнул прямо в озеро за мячом. Среди пастухов началась настоящая паника. Они бросились в деревню с криками ужаса о том, что Кришна упал в озеро в пасть к змею. Прибежавшие на помощь жители деревни увидели странную картину: Кришна танцевал на спине змея, а тот молил о пощаде. Вокруг них, моля Кришну отпустить отца, толпились нагини — дочери змея. Увидев прибежавших людей, Кришна отпустил змея, отослал в глубинные воды, взяв с него слово никогда не вредить жителям Браджа. И простодушные жители Браджа решили, что Кришну спасло какое-то чудо.

С незапамятных времён это место считалось священным. Приведя меня на берег озера, Шри Пад джи показал дерево, с которого прыгнул Кришна. На какое-то мгновение я отчётливо увидела на дереве фигурку мальчика Кришны. Я обернулась в изумлении к Шри Паду и увидела, что он смеется. Когда я рассказала Шанте и Гопалу об увиденном, они в один голос заявили, что Свами джи устроил мне «даршан», и страшно завидовали. В другой раз, совершая омовение в священном водоёме под названием Радха кунд, я потеряла надетое на шею янтарное ожерелье. Я немного расстроилась, и вдруг ко мне подбежал маленький мальчик с кудрявой головкой, лет пяти. Он протянул мне моё ожерелье. Я взяла его из рук ребёнка и хотела обнять малыша. Он увернулся и исчез. Шанта и другие бхакты замерли в изумлении. Когда все очнулись, то стали говорить: «Это же был сам

Кришна! Какая же ты счастливая, что получила такой даршан. Конечно, тебе помог в этом Шри Пад джи махарадж!» Проникшись этим сознанием, я отдала ожерелье в храм на алтарь Кришны.

Должна сказать, что такие «даршаны» Шри Пад джи мне делал неоднократно. Гопал, Пандей и другие бхакты с уверенностью говорили, что так как Шри Пад джи является аватарой Кришны, он может творить чудеса. Однако подобный даршан можно делать лишь для того, кто сам стремится узнать, что такое бхакти.

Я скоро осознала, что без понимания бхакти невозможно понять творчество Сурдаса. О бхакти написано множество книг, все их в принципе прочитать невозможно, хотя с некоторыми ознакомиться надо обязательно, как например с работами Прабхудааяла Митала или с такими источниками, как «Нарада бхактисутра». Поскольку Сурдас, как я обнаружила из чтения исследований по его поэзии, воспринимался индийцами в первую очередь как великий махатма поэт-бхакт, мне казалось совершенно необходимым и естественным погружение в мир бхакти. Без этого, по моим представлениям, исследование творчества Сурдаса свелось бы к «европеизированной формализованной схеме», мало что дающей для понимания духовного мира Индии, менталитета её народа. Оценить и понять творчество Сурдаса с позиций его времени и современности, как бы изнутри, а затем уже извне — такую задачу я поставила перед собой.

Надо сказать, что мне чрезвычайно помог мой личный опыт бхакти под руководством Шри Пад джи махараджа. Он был «учёным» махатмой, который читал и собирал рукописи на брадже, авадхи и санскрите, интересовался индийской классической музыкой. Недаром в созданной им «Академии Браджа» была прекрасная библиотека, собрание средневековых миниатюр и артефактов. Меня не интересовала «Игра в бисер» Гессе, и я больше тяготела к улавливанию духовной сущности Индии, чем к наукообразным умозрительным построениям. Игра ума, может быть, и достаточно интересна, особенно если она касается таких точных наук, как математика, но когда речь идёт о поэзии, то, по-моему, «алгеброй гармонию» трудно измерить, да и нужно ли. Применение математических методов при исследованиях литературы и искусства способно превратить их в приблизительно формульное выражение, от которого никому ни тепло, ни холодно. Человеку-компьютеру это может помочь в его попытке творить по образцу. Но не было великих поэтов, сочинявших по правилам поэтик. А как смешно переводит автоматический компьютерный переводчик художественный текст! Поэтому, по моему мнению, все формализованные заключения по поэзии не дают о ней истинного представления.

Вскоре я решила съездить на автобус с паломниками по Раджастхану вместе со Шри Пад джи, желая увидеть, в первую очередь, знаменитый манускрипт. Итогом нашей поездки стало моё ознакомление с рядом средневековых рукописей, содержащих пады Сурдаса. Помимо собрания махараджи Джайпурского, я получила редкую возможность ознакомиться с рукописями в храмовых библиотеках Раджастхана, а позднее — Шри Натхдвары, Вриндавана, Парасоули и других мест браджа. Дело в том, что при жизни Сурдаса его песни бытовали по преимуществу в устной передаче. Они исполнялись в храмах и самаджах. Самые ранние известные в настоящее время рукописные собрания падов слепого барда датируются концом XVII века, как Джайпурские и Биканарские. Возможно, часть их была утрачена при том разгроме, который учинил падишах Аурангзеб в Брадже, преследуя

Шри Пад джи махарадж. Молитва на берегу Ганги

цель превращения Индии в мусульманскую ортодоксальную державу. Многие кришнаитские ценности увозились бхактами в Раджастан под покровительство махараджи Джайсингха из Джайпура. Джайсингх, как талантливый полководец, отразивший нападение патанов на Севере со стороны афганских племён, получил от падишаха относительную свободу вероисповедания в своём княжестве. Будучи сам бхактом Кришны, Джайсингх охранял кришнаитские святыни. В «Житиях вишнуитов» есть рассказы о том, как бхакты увозили тайком, через леса, священные изображения Кришны и Радхи, спасая их от рук мусульманских воинов. Ранние рукописи Сурдаса представляли собой сборники падов, посвящённых жизни Кришны-ребёнка и Кришны-юноши в Брадже. Предшествовали или заключали эти пады так называемые винаи, или молитвенные песнопения. В храмовых библиотеках пады-бхаджаны Сурдаса встречались в общих антологиях гимнов, исполняемых во время храмовых служб. Шри Пад джи прекрасно разбирался в рукописях и помогал в трудных случаях прочитать и, главное, понять содержание и смысл написанного.

Надо сказать, что Шри Пад джи живо интересовался не только стариной, но и всеми современными достижениями цивилизации. Так, наша «Академия Браджа» была одним из первых заведений в Брадже, где появился компьютер. При этом Свами джи очень быстро овладел всеми видами компьютерной премудрости, используя даже рисовальные способности машины при издании материалов академических конференций и семинаров. Меня всегда очень удивлял вид Свами джи у компьютера или телефона или читающего газету. Представьте себе типичного индийского саньяси в набедренной повязке, с длинными, до пояса, волосами, который держит в руках трубку телефона! Этот сделанный под старину белый телефон подарил Академии один махараджа. Однако все движения Шри Пада были столь естественны, что он вписывался в любую обстановку, будь то гималайская пещера, президентский дворец, крестьянская хижина, дворец махараджи. Особенно хороши были его глаза и руки. Глаза, затенённые густыми, загнутыми вверх ресницами, казались тёмно-карими, но с какой-то светлой искоркой. Выразительная пластичная жестикация придавала его облику динамичный характер. А какие у него были прекрасные тонкие, гибкие пальцы музыканта! Как осторожно он разворачивал рукопись, сначала показывая мне из своих рук, а потом, убедившись в моём бережном отношении, разрешал прикоснуться к ней и начать читать. К тому же нельзя было дышать прямо на такой священный манускрипт, дыхание могло его «осквернить».

Я много раз сталкивалась с этим понятием «осквернения» или, скорее, недолжного действия. Так, однажды в храме «Банке Бихари» пуджари в присутствии Шри Пад джи показывал мне стеклянные баночки с духами-эссенциями, предназначенными для туалета Кришны. Я наклонилась и стала нюхать один из флаконов. «Нельзя, нельзя!» — выхватил флакон из моих рук пуджари. А Шри Пад, сказав что-то пуджари, объяснил мне: «Вдыхая аромат духов, своим дыханием вы осквернили их. Теперь уже нельзя эти духи использовать по назначению во время пуджи для шрингара (украшения) Кришны. Возьмите их для своего домашнего Кришны». Он взял у пуджари изящный маленький флакончик с тёмно-коричневой маслянистой жидкостью и отдал его мне. Флакончик напоминал формой пробные европейские духи и чудесно благоухал. Я различила запах сандала, жасмина и другие цветочные запахи.

В дальнейшем мне часто дарили такие духи для Кришны и Радхи. Однажды Шри Пад джи преподнёс мне бронзовое храмовое изображение Кришны-ребёнка с маслом в правой руке. Вместе с ним были подарены предметы, необходимые для Кришны, — его одежды, украшения и, в том числе, набор духов. Позднее, в 1974 году, мне подарили ещё бронзовые изображения Кришны и Радхи. К ним также прилагалось «приданое». Чего там только не было: юбки, сари и кофточки для Радхи, дхоти и покрывала с шарфами для Кришны. Всё это было искусно сделано из шёлка и парчи. А какие были у них головные уборы, короны и ожерелья из цветного бисера, золотой нити и жемчуга! Я твёрдо усвоила урок, как надо обращаться со священными предметами, и старалась больше их «не осквернить». Все эти одеяния для Кришны и Радхи полагалось использовать во время службы «шрингара». Многие верующие после «шрингара арати» в храме долго обсуждали, какие наряды были на Кришне и Радхе. Украшение, или шрингар божества входило в обязанность брахманов-пуджари. В соответствии со временем года, суток и праздниками, Кришна и Радха украшались по-разному. Так, в холодный сезон они закутывались в тяжёлые ткани с покрывалами и даже на руки им надевались рукавички. А в сезон жары Кришна был одет в лёгкое дхоти с одним жемчужным ожерельем на обнажённой груди.

Моим любимым занятием при посещении храмов стало пристальное внимание к одеяниям Кришны и Радхи. Однажды я сокрушалась в присутствии Шри Пад джи махараджа, что наблюдение за убранством Кришны до какой-то степени отвлекает меня от смысла службы. Он засмеялся и объяснил, что шрингар, или украшения божества, не могут отвлекать, а только способствуют восприятию бхакти. Божественный образ Кришны в храме соединяет в себе и одеяние с украшениями божества, и арати с огнями, и пение киртанов. Всё это в совокупности и есть истинная пуджа, воспринимаемая бхактами как соединение с Кришной.

Обычно в самых известных кришнаитских храмах во Вриндаване, таких как «Банке Бихари», «Радха Валлабха», проходит восемь богослужений. Первая служба, «мангала арати», начинается в 6 или 7 часов утра, в зависимости от времени года, тёплого или холодного сезона. Вместе со звоном колокольчиков брахман-пуджари открывает занавес, отделяющий алтарь от верующих. Вскоре, в 7 часов, проходит «дхуп арати». Центральной бывает третья служба, «шрингар арати», в 9 часов, когда Кришна предстаёт во всей красоте, в нарядной одежде, украшениях. Четвёртая служба — «радж бхог», или большая трапеза Кришны. На алтарь ставятся многочисленные угощения, которые потом раздаются присутствующим в виде прасада. Пятая служба снова называется «дхуп арати», во время неё Кришна отдыхает после обеда и занавес не открывается. Шестая, «сандхья арати», в 7 часов вечера, связана с закатом солнца, слово «сандхья» означает «закат». Седьмая служба, «бхог», или ужин Кришны, бывает в 8 часов. И последняя, восьмая служба, «шаян арати», когда укладывают Кришну спать, — в 9 часов. Наиболее значимы обычно «шрингар», «радж бхог» и «сандхья арати». Если Шри Пад джи махарадж бывал на службах, то чаще выбирал в храме «Банке бихари» службу «шрингар».

Я помню, как многие бхакты специально издалика приезжали в храм «Банке Бихари», чтобы увидеть Шри Пад джи. Однако не всем и не всегда это удавалось. Шри Пад джи махарадж не имел постоянного времени и места пребывания. Он исчезал и возникал внезапно, и никто не мог сказать, где он и когда можно его

будет увидеть. Бывало, бхакты сбивались с ног, разыскивая его следы. Все говорили, вот только что махарадж был здесь, в храме, или его видели на берегу Джамны, но никто не мог точно определить, где он находится в данную минуту.

Вспоминается один из случаев такого «исчезновения». Группа бхактов в составе пяти человек путешествовала вместе со Шри Падом в предгорьях Гималаев. И в какой-то момент Шри Пад джи исчез. Прошло несколько часов, и никто не мог его обнаружить. Началась тихая паника, у нас не было ни малейшего представления о том, где мы находимся. Кругом был колючий кустарник и деревья. Даже всезнающий Шьяма Дас совсем загрустил. Усевшись в кружок на полянке, мы в растерянности глядели друг на друга, изредка перебрисываясь отрывистыми словами. Взрослые люди с положением в обществе вдруг уподобились потерянными детям. Я решила ещё поискать Шри Пад джи. Зная его привычку скрываться в самых неудобных для человека местах, я предположила, что надо искать его в чаще колючих кустарников, именно это место мог бы выбрать Шри Пад джи, отдыхая от назойливых бхактов. Вся ободравшись в колючках, с трудом протиснувшись в гущу деревьев, я не обнаружила там никого. Шьяма, со своим фотоаппаратом, пробираясь вслед за мной, решил запечатлеть растерзанную меня в этой чащобе. Я сказала ему: «Помнишь, Шьяма, как в “Бхагавата пуране” Шри Кришна скрылся даже от любимой гопи в лесу!» Шьяма поправил меня: «Шри Кришна обладал “антардхьяна”, то есть способностью быть непроявленным». — «Понятно, как однажды толковал мне Шри Пад джи, — ответила я, — Бхагаван может быть в состоянии непроявленности или проявленности. Он или ниргуна, или сагуна. Шри Кришна — проявленный образ, сагуна, как и Рама. А вот вечный, бескачественный Парабрахма — это ниргуна».

Шьяма сфотографировал не только меня, но и большое дерево, под которым в кустах мог бы сидеть в медитации Шри Пад джи. У меня сохранилась одна фотография, на которой отчётливо видна моя фигура и отсутствие кого-либо рядом. Собираясь уходить, я оглянулась и увидела на только что пустом месте сидящего в медитации Шри Пад джи. Я знаком показала Шьяме на это чудесное видение, глазами умоляя его сфотографировать. Шьяма, застывший в изумлении, автоматически нажал на спуск. В тот же момент Шри Пад джи выпрямился и встал. «Это же Вы, гурудев, не мираж, но ведь здесь только что Вас не было. Все обыскали Вас! Никто не знал, что делать, куда идти!» Шри Пад джи усмехнулся: «Я всё время сидел в медитации именно в этих кустах под деревом, просто вы меня не видели. Меня отвлекло ваше появление и фотографирование!» Сложив умоляюще руки и наклонив низко голову, Шьяма стал просить прощения у гурудева за то, что фотографировал без его согласия. «Я знаю, милостивый гурудев, без Вашего разрешения нельзя ничего делать! Но оставьте нам свидетельство Вашего “антардхьяна”, запечатлённого на фотографии!» Я присоединилась к просьбам Шьямы. Шри Пад джи согласился. И теперь у меня есть две знаменательные фотографии, снятые Шьямой в течение одной минуты. На одной из них в зарослях под деревом никого нет, и на другой там уже виден Шри Пад джи.

Я особо остановилась на моменте фотографирования, потому что знаю по опыту, собственному и своих знакомых: махатмы по своему желанию могут засветить любую фото- и киноплёнку, если что-нибудь им не понравится. Плёнка оказывается засвеченной в тот самый момент, когда махатма сделает отстраняющий жест рукой.